

Толычева Т.

**Рассказы очевидцев о
двенадцатом годе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Т11

Т11 Т. Т.
Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / Толычева Т. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 118 с.

ISBN 978-5-519-77274-7

Содержание: 1. Занятие французами Девичьего монастыря. 2. Imprimerie impériale de la grande armée. 3. В Зубове. 4. В Страстном монастыре. 5. На Моховой. 6. В приходе Петра и Павла на Якиманке и на Орловском лугу. 7. Рассказ купчихи Анны Григорьевны Кругловой, Шереметевской богаделенки. 8. Рассказ одного из бывших крепостных г. Соймонова, старичка Василия Ермолаевича. 9. В Рождественском монастыре. 10. В окрестностях Москвы. 11. Предания Зачатьевского монастыря. 12. Предания Алексеевского монастыря. 13. Предания Никитского монастыря. 14. Рассказ Николая Дмитриевича Лаврова, священника церкви Спиридония, что на Спиридоновке. 15. Легенды

ISBN 978-5-519-77274-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ 1-му изданію 1873 года.

Намъ извѣстенъ, большею частію по устному преданію, частный бытъ московскихъ жителей двѣнадцатаго года. А между тѣмъ число очевидцевъ занятія Москвы французами теперь уже очень незначительно, и малѣйшія свѣдѣнія о томъ времени тѣмъ для насъ дороже, что черезъ нѣсколько лѣтъ не останется, вѣроятно, ни одного свидѣтеля самой драматической и самой славной страницы нашей исторіи. Вотъ почему я собиралъ тщательно всѣ подробности, дошедшія до меня, и, въ ожиданіи другихъ разсказовъ, если мнѣ удастся ихъ слышать, передаю тѣ, которые уже записалъ. Читатель встрѣтитъ въ нихъ повторенія, но, желая сохранить каждому эпизоду его цѣльность, я не позволилъ себѣ ихъ выбросить. Всѣ эти разсказы носятъ, болѣе или менѣе, одинъ и тотъ же характеръ; иначе и быть не можетъ; однако каждый изъ нихъ имѣетъ свою особенность, и они составляютъ въ массѣ всестороннюю и полную картину Москвы двѣнадцатаго года. Изъ нихъ мы видимъ, какъ въ это время жили среди развалинъ пылающаго города и въ его окрестностяхъ, какъ жили въ монастыряхъ и церквахъ, гдѣ искали убѣжища, наконецъ, какъ жили въ подвалахъ и подъ открытымъ небомъ.

Я принималъ не безъ разбора предлагаемые мнѣ разсказы, я записывалъ ихъ со всею возможною добросовѣстностью, но легко

можетъ быть, что послѣ столькихъ лѣтъ память немного измѣнила моимъ рассказчикамъ, и что въ переданные ими факты вкрались ошибки. Все, что относится къ двѣнадцатому году, принадлежитъ исторіи, и я приму съ благодарностью всякое замѣчаніе, сдѣланное мнѣ по поводу моего труда.

Т. Т.

I.

Занятіе французами Дѣвичьяго монастыря.

(Этотъ разсказъ я слышалъ отъ монахини Дѣвичьяго монастыря, матери Антонины [въ міру Аграфена]. Она была крѣпостная Апраксиныхъ, которые отдали ее въ монастырь для обученія женскимъ работамъ. Проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, она пожелала постричься, на что и получила разрѣшеніе отъ господъ. Въ двѣнадцатомъ году она была уже шестнадцатилѣтнею дѣвушкой.)

Я попала смолоду въ монастырь и жила въ услуженіи у матушки - игуменьи. Звали ее Мееодія Ивановна, а по фамилии Якушкина. Какъ бывало поидеть она къ заутренѣ или ко все-нощной, я несу предъ ней фонарь, если темно на дворѣ. Вотъ разъ идемъ это мы, помнится на самое Усѣкновеніе главы Предтечи, я съ фонаремъ впереди, да вдругъ вижу изъ-за церкви, горитъ огненный снопъ на небѣ. Я «Ахъ!» и чуть не уронила фонарь. А матушка идетъ за мной, да «Чтò ты? Чтò съ тобой?» Какъ шагнула она раза три впередъ, такъ и увидала звѣзду, и долго на нее смотрѣла. Я спрашиваю: «Матушка, чтò это за звѣзда?» Она говоритъ: «Это не звѣзда, это комета». А я опять спрашиваю: «Чтò такое за комета? Я, матушка, и слова такого не слыхивала». Матушка говоритъ: «Такія явленія на небеси Богъ посылаетъ предъ бѣдой».

Чтò ни вечеръ, горѣла на небѣ комета, и мы все разсуждали: какую же бѣду она съ собой ведетъ?

Нѣсколько мѣсяцевъ все было покойно, а тутъ заговорили вдругъ о войнѣ; слышно стало, что Бонапартъ ведетъ на насъ неслыханную силу, и стали всѣ готовиться къ походу.

Привезли къ намъ изъ Смоленска икону Божіей Матери и поставили ее въ Архангельскій соборъ. Матушка-игуменья была изъ Смоленска, большую вѣру къ этой иконѣ имѣла, и очень обрадовалась, когда узнала, что ее въ Москву привезли*).

— Пойдемте, — говорить, — всѣ поклониться Заступницѣ.

Собрались мы, идемъ за матушкой по улицѣ, словно полкъ.

Въ Архангельскомъ соборѣ народу видимо-невидимо; на площади даже еле-еле продерешься, въ особенности много женщинъ, и всѣ плачутъ. Какъ стали мы подходить къ иконѣ одна за другой, прочіе-то, что тутъ стояли, видятъ — конца монашенкамъ не будетъ, даже одна барыня закричала: «Хоть бы насъ эти рясы пропустили: не ихъ мужья, а наши головы подъ пули несутъ!»

На другой день матушка ѣздила къ преосвященному Августину, и просила его, нельзя ли ей поднять святую икону, чтобы Царица Небесная нашу обитель посѣтила. Вѣдь и основанъ монастырь во имя Смоленской Божіей Матери, и наша икона списана съ этой самой, что въ Смоленскѣ. Какъ прослышали, что мы Заступницу ждемъ, что къ намъ народу сбѣжалось и съ Дѣвичьяго поля, и съ сосѣднихъ улицъ. Встрѣтили икону за монастырскими воротами и обносили ее около всѣхъ стѣнъ.

Никакъ дня два послѣ Бородинскаго сраженія, присылаетъ за матушкой преосвященный Августинъ. Поѣхала она къ нему на подворье. А мы ужъ всего боялись: думаемъ, зачѣмъ это архіерей матушку вызвалъ. Пока мы тутъ толкуемъ, видимъ, она назадъ ѣдетъ. Всѣ мы ее обступили, — она такая добрая, простая была, и спрашиваемъ: что да что? Матушка говорить: «Ну, видно, плохо дѣло: приказалъ преосвященный укладывать всю утварь и ризницу: онъ пришлетъ завтра лошадей съ телѣгами. Приказалъ онъ еще, чтобъ и я была готова въ дорогу. Куда онъ все отправить, туда и я должна ѣхать съ монастырскимъ добромъ».

*) Икона Смоленской Божіей Матери была три мѣсяца въ русскомъ лагерѣ, отъ 6-го августа до 6-го ноября. Эту ли самую икону привозили на время въ Москву изъ лагеря, или копію съ нея, не знаю. *Прим. г. Т. Н.*

Стали мы живо все укладывать, а какъ сняли со стѣны икону Смоленской Божіей Матери да положили ее въ ящикъ, монахини поклонились ей на прощанье да такъ всѣ голосомъ и завывли: «На кого, говорятъ, она, Заступница, насъ покидаетъ!» Матушка и говоритъ: «Если вы ужъ такъ по иконѣ убиваетесь, я вамъ ее, пожалуй, оставлю, только ризу надо будетъ снять». А онѣ говорятъ: «Нѣтъ, матушка, ужъ берите ее, мы ее на поруганіе злодѣямъ не выдадимъ».

Все уложили къ вечеру, и ждемъ. На разсвѣтъ съ архіерейскаго подворья были присланы три подводы, и поставили на нихъ все добро. Матушка-игуменья приказала монастырь казначеѣ Сарѣ Николаевнѣ, а насъ уговаривала не унывать и положиться на Царицу Небесную, потомъ простилась съ нами и уѣхала со своей келейницей. Она благословила также всѣхъ монахинь оставить монастырь, если захотятъ, и всѣ почти молоденькія разѣхались, кто къ роднымъ, кто къ знакомымъ. Остались здѣсь старушки, а молодыхъ очень мало. Какъ всѣхъ мы проводили, такъ припрятали свое добро. У насъ въ кузницѣ подвалъ, и поставили мы въ него всѣ наши сундуки, а входъ заложили кирпичами, такъ какъ самая кузница изъ кирпичей сложена.

На другой день послѣ матушкинаго отъѣзда были у насъ въ монастырѣ военныя похороны, очень богатые. Какъ засыпали могилу и стали расходиться, какой-то старый генераль остановился, посмотрѣлъ на насъ и спрашиваетъ: «Неужели вы здѣсь останетесь? Французъ идетъ: на что же вы надѣетесь?» Сара Николаевна показала ему четки и говоритъ: «Вотъ на что надѣмся».

Протоіерей нашъ, Алексѣй Ивановичъ Гречишинъ, перебрался къ намъ въ монастырь, а у себя на квартирѣ кухарку оставилъ. Она этакая бойкая была, ничего не боялась. Въ самый понедѣльникъ, второе сентября, у насъ еще къ вечернѣ не ударили, вдругъ бѣжитъ батюшка отъ воротъ, блѣдный какъ полотно, и кричитъ: «Идетъ! Французъ идетъ по Можайкѣ!» Въ одну минуту разнеслось это извѣстіе по монастырю: мы всѣ бросились за ворота. По полю бѣжитъ народъ; одинъ кричитъ: Бонапартъ пришелъ, а кто говоритъ: не онъ, а наши союзники. Батюшка говоритъ: «Пойдемте въ церковь Преображенія, оттуда видна

Можайка какъ на ладони». А церковь Преображенія стоитъ надъ воротами. Мы всѣ туда, и прямо къ окнамъ; глядимъ: усыпана Можайка войскомъ что саранчой; штыки и мундиры такъ и горятъ на солнцѣ. Толпились мы въ этой церкви, пока не стемнѣло: уйдешь, побродишь по монастырю, и опять къ Преображенію. Смотримъ мы, а все-таки не знаемъ, други ли, недруги ли къ намъ пришли, съ тѣмъ и спать улеглись, что молъ Богъ дастъ завтра.

Во вторникъ ранехонько прибѣгаетъ батюшкина кухарка впопыхахъ. «Отцы свѣты, говоритъ, нагрязнули къ намъ солдаты, меня чуть не прибили, всѣхъ нашихъ куръ переловили». Вотъ тебѣ и союзники! Потомъ, кто къ намъ въ монастырь ни заглянетъ, всѣ рассказываютъ, что пришлое войско страшно нашихъ обижаетъ. Батюшка говоритъ: «Дѣлать нечего; запереть монастырскія ворота!» И заперли.

На другой же день слышимъ мы шумъ на полѣ и крикъ. Мы опять въ церковь Преображенія, взглянули въ окно, да такъ и обмерли. Передъ монастырскими воротами стоитъ множество солдатъ, — должно-быть, цѣлый полкъ, и двѣ пушки выдвинуты. Видимъ, гибель наша неминуема. Кто въ слезы, кто сталъ на колѣни, и молится. Вдругъ вбѣжалъ къ намъ одинъ изъ нашихъ сторожей и кричить: «Батюшка! Матушка-казначей! прикажите ворота скорѣй отпереть: одинъ французъ, должно-быть, съ наружной-то стороны лѣстницу подставилъ, да на веревкѣ сюда и спустился. Размахиваетъ руками, показываетъ, что если не отопремъ, они сейчасъ изъ пушекъ палить станутъ. Онъ, окаянный, за мной идетъ». Батюшка говоритъ: «Отворять скорѣй ворота!» Пошли за ключами, а казначей приказала всѣмъ молодымъ монахинямъ итти скорѣй въ матушкину келлію и тамъ запереться. Пока шла у насъ суматоха, прибѣжалъ другой сторожъ, звали его Оедоромъ, и говоритъ: «Гдѣ рогатина? Я на нихъ что на медвѣдей пойду: хоть одного положу». А батюшка ему говоритъ: «Ты этого не смѣй: только на насъ больше еще бѣдъ накличешь! Подождемъ, что Богъ дастъ».

Мы побѣжали въ матушкину келлію. Между тѣмъ отперли ворота, и вошли къ намъ трое непріятелей. Ихъ встрѣтили священникъ съ казначеей да двѣ еще старыя монахини. Священникъ спросилъ у нихъ по-латыни, чего они хотятъ. Командиръ ихъ

что ли, звали его Задэра (имя-то его я запомнила, потому онъ послѣ у насъ стоялъ*), спрашиваетъ: кто здѣсь живетъ? Батюшка говоритъ: «Здѣсь монастырь, и кромѣ монахинь никого нѣтъ, а я — здѣшній священникъ». А Задэра ему говоритъ: «Вашъ монастырь съ своими башнями похожъ на крѣпость, панъ пасторъ (онъ и послѣ все звалъ батюшку панъ пасторъ), и мы въ него пострѣлять собирались; хорошо, что вы ворота отперли!» И велѣлъ онъ, чтобъ имъ показали монастырь. Батюшка съ казначеей и старыя монахини повели ихъ все осматривать. А мы всѣ забились въ одну комнату, да изъ окошекъ-то видимъ, кой-гдѣ мелькаютъ, а тутъ прошли за церковь да, словно, и пропали. До смерти хочется намъ узнать, чтò тамъ дѣлается, и рѣшились мы выйти да посмотрѣть. Отперли дверь, да какъ стали одна за другою выходить, подбѣжала къ намъ старушка-монахиня, она добрая была, да только такая ворчунья. «Куда? — говоритъ: — сейчасъ назадъ! Вы ужъ и рады на военныхъ-то поглазѣть, срамницы этакія! Вишь, какъ всѣ раскраснѣлись! Путныя-то поблѣднѣли бы отъ страха». А мы говоримъ: «Помилуйте, Аксиныя Никитична, какъ тутъ не раскраснѣться: заперли насъ что сельдей въ боченокъ! Просто, не продохнешь; здѣсь хоть тресни, не поблѣднѣешь». Она насъ еще пуще разбранила и заперла опять въ келлію.

Непріятели осмотрѣли нашъ монастырь и ушли. Проводивъ ихъ, батюшка приходитъ къ намъ и говоритъ: «Они хотятъ въ монастырь полкъ поставить. Неизвѣстно, какое намъ испытаніе Господь готовить: какъ бы насъ смерть врасплохъ не застала? Не приобщиться ли намъ?» А мы говоримъ: «Чтò жъ, батюшка, мы рады, а тамъ на волю Божию». — «Хорошо! — батюшка говоритъ. — Всего теперь по обряду мы исполнить не можемъ, а пусть каждая изъ васъ правило сама прочтетъ и помолится, а заутреню я отслужу въ соборной церкви».

Онъ ушелъ, а мы стали готовиться. Страшно было, потому каждая знала, что, можетъ, въ послѣдній разъ сподобить ее Господь приобщиться Святыхъ Таинъ. Заутреню мы выслушали

*) Несмотря на увѣреніе старушки, что она запомнила имя, я сильно подозреваю, что это имя слегка искажено, но передаю его, какъ слышала отъ нея.

въ соборѣ. По окончаніи службы батюшка вышелъ къ намъ и говоритъ: «Время дорого: некогда мнѣ теперь васъ исповѣдывать, а исповѣдайте сами ваши прегрѣшенія предъ Господомъ: Онъ приметъ ваше покаяніе, и я съ вами помолюсь».

Онъ сталъ на колѣни предъ царскими дверями, и мы всѣ за нимъ. Въ церкви слышны были одни только рыданія. Помолвившись, батюшка всталъ, обернулся къ намъ и благословилъ насъ всѣхъ со словами: «Отпускаются вамъ прегрѣшенія ваши: идите съ миромъ!» Потомъ онъ приказалъ намъ собираться въ больничную церковь, что во имя Амвросія Медиоланскаго; онъ хотѣлъ тамъ отслужить обѣдню, потому что церковь маленькая, низенькая, и если бы пришли непріатели въ монастырь во время совершенія литургіи, то ужъ, вѣрно, обошли бы сперва другіе храмы, такъ какъ они скорѣй въ глаза бросятся. Въ церкви было темно: только необходимыя горѣли свѣчи, и, можетъ, не столько за этою обѣдней дошло до Бога молитвенныхъ словъ, сколько слезъ. Всѣ мы приобщились и вышли изъ церкви съ заплаканными глазами.

Мы были очень утомлены, потому что всю ночь пробыли на ногахъ. Шла со мной рядомъ пожилая ужъ монашенка и говоритъ мнѣ: «На тебѣ лица нѣтъ, зайди-ка ко мнѣ! У меня вчерашнія щи въ печкѣ стоятъ; поѣшь и лягъ спать».

Какъ поѣла я щей, она уложила меня, и такъ я крѣпко заснула! Вдругъ, чувствую, она меня будить. «Не пугайся, говоритъ, Аграфенушка, а встань! Наши кельи описываютъ».

Я вскочила, гляжу въ окно: опять ходятъ по монастырю непрошенные гости, все тѣ же, что вчера, и опять батюшка съ ними. Всѣ келліи они переписали, и велѣлъ Задѣра, чтобы мы себѣ пять келлій выбрали, а остальные, говоритъ, намъ нужны. Распорядились они такимъ манеромъ, и уѣхали. Батюшка и Сара Николаевна отобрали пять келлій, и всѣ мы туда перешли; тѣсненько, разумѣется, намъ было, да ужъ это куда ни шло! Подъ воротами была у насъ еще одна келлія: жила тамъ Порфирія Егоровна Ершова, Александровская игуменья, ужъ она на покоѣ была, да Милюкова, да Черевина, Агаѣя Семеновна; всѣ онѣ старушки.

И говорятъ онѣ: «Мы своей кельи не отдадимъ, потому они у насъ не были, можетъ, ея не примѣтили подъ воротами. Не выйдемъ

мы на старости лѣтъ изъ своего гнѣзда». Такъ онѣ въ этой кельѣ и остались.

Цѣлыхъ два дня было у насъ все спокойно: французъ не показывался. По вечерамъ горѣли у нихъ огни на Дѣвичьемъ полѣ а они сидѣли кучками около костровъ и варили себѣ ужинъ, да пѣсенки попѣвали, а кругомъ все ходили *бикеты*.

Разъ стали въ ворота стучать. Сторожъ отперъ, отворилъ немножко одну половинку, заглянулъ, видитъ — стоятъ трое. Онѣ ихъ и спрашиваетъ: «Чего вамъ?» А они показываютъ какой-то кулекъ, объясняютъ, чтобъ его спрятали, а сами кланяются и приговариваютъ: «добри! добри!» Да взяли этотъ кулекъ, швырнули его черезъ ворота и ушли. Мы сейчасъ его развязали, посмотрѣть, чтò въ немъ, да такъ и ахнули! Лежитъ тамъ риза иконы Неопалимой Купины, чтò церковь-то около поля стоитъ. Это они, окаянные, ободрали икону, да къ намъ и принесли спрятать. Сара Николаевна сейчасъ этотъ кулекъ взяла, гдѣ она его берегла, не знаю, а французы за нимъ не приходили, и какъ они отъ насъ ушли, мы его возвратили, куда слѣдуетъ.

Въ самый день, какъ они вошли въ Москву, стали кой-гдѣ пожары показываться. Мы сперва-то не очень испугались, не думали, что вся Москва выгорить, а тутъ, видимъ, ужъ очень разгулялся огонь, все онѣ растеть да растеть, и разлился онѣ по Москвѣ чтò море, и словно повисла надъ Москвой огненная шапка. Мы говоримъ: «Батюшка, коли пожаръ до насъ доберется, куда мы дѣнемся?» Батюшка говоритъ: «Выйдемъ на столбовую и пойдемъ, куда глаза глядятъ, а не выпустятъ насъ непріатели, сядемъ около нашей церкви и будемъ ждать воли Господней. Вѣдь ужъ мы приготовились».

Въ самое Рождество Богородицы слышимъ мы стукъ въ ворота и крикъ. Побѣжали отпирать, а мы поскорѣй въ свои кельи, и видимъ, повалили они къ намъ одинъ за другимъ, что ихъ и не перечесть, и повозки вѣхали съ кладью; значить, они къ намъ на житье пожаловали; да мало того, что сами пришли, и мамзелекъ своихъ къ намъ привезли: сидятъ онѣ на навьюченныхъ повозкахъ и поглядываютъ. Задѣра опять тутъ. Батюшка ему объяснилъ, что вотъ это молъ, пять келій мы себѣ оставили. Начальники сейчасъ расположились, кто въ какой кельѣ, и стали всю

кладъ выгружать. Пока они хлопотали, нѣсколько солдатъ разсыпались по монастырю: инья кельи обшарили, и что въ нихъ оставалось, подобрали, да оставались-то въ нихъ самыя развѣ бездѣлицы. Мы сидимъ у себя ни живы ни мертвы; вдругъ, видимъ, ведутъ къ намъ подъ руки нашихъ старушекъ, что подъ воротами-то укрыться хотѣли. Открыли ихъ тамъ, и велѣли убираться: мы, говорятъ, итакъ отдали вамъ пять келій. Онѣ, бѣдныя, идутъ всѣ въ слезахъ. Мы, разумѣется, еще потѣснились, отвели имъ мѣсто особое, а сами вповалку на полу спали. Какъ увидали онѣ, что къ нимъ непріатели идутъ, то попрятали наскоро свое добро куда попало: Агаея Семеновна посовала за пазуху дюжину серебряныхъ ложечекъ. А солдаты, какъ вошли, да увидали, что въ кельѣ-то все вверхъ дномъ стоитъ, сейчасъ догадались, что добро все еще тутъ, и давай вездѣ обшаривать, да и самихъ-то старушекъ обыскивать хотѣли. Агаея Семеновна съ сердцемъ вынула свои ложки изъ-за пазухи и бросила имъ: «Берите, говорить, окаянные, грабьте, пока Господь терпитъ».

Вдругъ прибѣжала къ намъ Ѳедосья, наша коровница, огромный мѣшокъ держитъ въ рукахъ. Набила она въ него всякой всячины и хотѣла спрятать, да не успѣла: французъ его увидаль и хотѣлъ отнять. Она пустилась бѣжать, а французъ за ней. Прибѣжала она къ намъ, живо влѣзла на печку и мѣшокъ за себя засунула. А французъ ужъ какъ тутъ и былъ, и прямо къ печкѣ. А печка-то высокая такая была. Какъ онъ подошелъ да собрался тоже на нее влѣзть, Ѳедосья схватила его за плечи и толкнула назадъ. Здоровая такая была баба! Онъ такъ и грянулся навзничъ. Пока онъ на полу-то барахтался, она соскочила да въ дверь, добѣжала тропинкой и спряталась подъ соборъ, туда, гдѣ склепъ; какъ онъ вышелъ да хотѣлъ опять за ней, глядь, — а ея и слѣдъ простылъ. Цѣлый день она подъ соборомъ просидѣла, не пила, не ѣла, а добро свое спасла. Какъ ужъ совсѣмъ стемнѣло, пришла она къ намъ, и говоритъ: «Дайте хоть хлѣба да водицы, совсѣмъ въ горлѣ пересохло».

Приходили и къ намъ французы, и просили хлѣба, масла и вина, ужъ выучились, какъ и называть. Сара Николаевна объясняетъ имъ, что у насъ ничего теперь этого нѣтъ, а они все свое.